

К изучению древней истории Туркмении

Одной из очередных задач советской исторической науки является изучение древней истории народов Средней Азии вообще и Туркмении, в частности. До сих пор в этой области сделано очень мало, совсем не пропорционально серьезности и ответственности темы.

После Великой Октябрьской социалистической революции на территории среднеазиатских республик произведен целый ряд чрезвычайно ценных и давших богатые результаты археологических раскопок, часто проливавших новый свет на сложные и запутанные вопросы далекого прошлого.

До сих пор, однако, далеко не все возможности использованы, и многое, что должно и могло было бы быть выполненным, до сих пор не реализовано. Теперь уже достаточно всеми признано, какой большой интерес с точки зрения всемирной истории представляет прошлое Туркмении в древнее время¹. Достаточно упомянуть о проблеме палеолита в Туркмении, о прославленных культурах Анау, о парфянском периоде и др. Все это богато представлено материальной документацией в Туркменской ССР, но далеко не все эти богатства надлежащим образом выявлены.

Уже имеющийся материал, нередко уникальный, до сих пор не обработан, по-настоящему не изучен и не пущен в научный оборот. Великолепные археологические памятники, обнаруженные раскопками последних лет, до сих пор не изданы; не опубликованы даже предварительные отчеты проведенных экспедиций.

В настоящей статье я не имею возможности остановиться на всей совокупности основных вопросов изучения древней истории Туркмении. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых вопросах, имеющих весьма существенное значение.

I. Первый из этих вопросов касается даже не столько древней истории Туркмении, сколько преемственности. Относительно времени появления древнейших следов пребывания человека на территории Туркменистана пока еще не имеется вполне точных данных. Долгое время в Средней Азии не было обнаружено существования человека в эпоху палеолита. Но в 1938 г. в Узбекистане, в пещере Тешик-Таш, были найдены остатки первобытного человека и соответствующий инвентарь, относящийся к древнекаменному веку, к так называемой мустьерской эпохе. Эти замечательные находки, привлечшие внимание всего ученого мира, дали повод предположить, что и в других местах Средней Азии следы пребывания палеолитического человека могут быть обнаружены. В частности, встал вопрос о палеолите в Туркмении.

В 1942 и 1943 гг. геологи, производившие свои специальные изыскания на Красноводском полуострове, обнаружили следы пребывания первобытного человека в прикаспийской части Западной Туркмении. Выявлено было до 40 пунктов нахождения соответствующих культурных остатков. В обнаруженных стоянках найдено большое количество каменных орудий самой грубой обработки. В числе этого инвентаря были установлены ножевидные пластины, служившие для разделки шкур убитых животных, скребки и отщепы, служившие для обработки кости, проколки и остроконечники. Найдены были и нуклеусы. В некоторых стоянках в культурном слое были обнаружены кости со следами раскола и обжига. Орудия выделялись из гальки окаменелого кубадагского известняка. Эти замечательные находки, о которых до сего времени имеются лишь краткие газетные сообщения, не подвергнуты еще тщательному и пристальному археологическому изучению, и в настоящее время трудно вполне точно датировать обнаруженные памятники. Недавно произведенное предварительное исследование красноводских находок, сделанное видным археологом-палеолитчиком П. И. Борисковским, ставит вопрос о приурочении части обнаруженных предметов к верхнему палеолиту, к так называемой капсийской стадии. Доклад П. И. Борисков-

¹ Проф. И. Н. Б о р о з д и н, Что дает прошлое Туркмении для всемирной истории, «Совет Эдебияты», 1943, № 6, и в расширенном виде на туркменском языке в журн. «Большевик», 1943, № 9—10.

ского, заслушанный на 3-й научно-исследовательской конференции Ашхабадского педагогического института¹ и повторенный в Институте истории материальной культуры Академии Наук СССР в Ленинграде, вызвал большой интерес и оживленную дискуссию, причем были высказаны различные мнения археологами—одни тянули материал вверх, ко второй половине азийской эпохи, другие вниз—к эпохе Мадлен. Дальнейшее исследование палеолита в Туркмении, конечно, надо расширить и углубить. Во всяком случае, теперь имеются некоторые реальные данные предположить, что уже в эпоху палеолита, за много тысяч лет до наших дней, человек обитал на территории теперешней Туркменской ССР.

II. Одним из капитальных вопросов древнейшего прошлого Туркмении является вопрос о культурах Анау. Замечательные находки в холмах Анау, сделанные американской экспедицией Pumpelly², уже прочно вошли в мировой научный обиход. Но, все же, далеко не все вопросы, связанные с изучением культур Анау на почве Туркмении, получили свое разрешение. До сих пор является крайне спорной хронологическая классификация материала. От «длинной» хронологии, предложенной Pumpelly (IX тысячелетие до н. э.), большинство ученых давно уже отказалось, начиная с Губерта Шмидта, обрабатывавшего материалы экспедиции и позже не раз возвращавшегося к этой тематике. Сейчас, пожалуй, единственно Е. Диц, ученик Стржиговского, по примеру учителя склонный к парадоксальным выводам, называет место около Анау древнейшим известным до сих пор культурным оазисом человечества³.

Предложенная более «короткая» хронология требует уточнения и детализации. В небольшой статье об Анау, помещенной в издании «Архитектурные памятники Туркмении», А. Марущенко намечает довольно сложную классификацию культуры Анау с дробными подразделениями, но эта безусловно заслуживающая внимания заметка требует развернутого обоснования⁴.

Приходится считать за некоторыми недавно выдвинутыми в науке положениями. Так, на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (1935 г.) турецкий ученый Ариф Мюниф Мансел в своем интересном докладе остановился на проблеме древней расписной керамики и дал обзор всех ее местонахождений, начиная с открытий де-Моргана в Сузах и Пемпелли в Анау и кончая новейшими раскопками в Иране, Китае, Индии, Сирии, Египте, Эгейском бассейне и Дунайских странах. Примечателен вывод Мансела, что рассматриваемая культура возникла в одном центре (по мнению автора—в Средней Азии, в районе Анау), откуда распространилась и в другие страны. Носителями этой культуры являлись, повидимому, шумеры⁵. В этом утверждении Мансел повторяет, в сущности, мысль давно уже высказанную нашим акад. Б. А. Тураевым, который, сопоставляя сосуды Анау с эламскими, был склонен относить анауские памятники к более древнему периоду и выводил шумеров с северо-востока⁶.

¹ Тезисы доклада П. И. Борисовского печатаются в сборнике научных трудов Ашхабадского госуд. педагогического института им. Горького.

² Pumpelly, Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau, vol. I—II, 1908; Pumpelly, Explorations in Turkestan with and account of Eastern Persian and Seistan Expedition of 1903, 1905.

³ E. Diez, Churostanische Baudenkmäler, 1918, т. I, стр. 1. См. замечания акад. В. В. Бартольда (В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, 1922, т. II, стр. 362).

⁴ Архитектурные памятники Туркмении, вып. 4. Составил Н. М. Багинский, при участии С. А. Ершова, А. В. Марущенко и П. А. Полявского, М.-Л., 1939, стр. 101.

⁵ Arif Mufid Mansel, Kulturwanderungen und Kulturbeziehungen des IV und III Jahrtausends v. Chr. im Lichte der Keramikforschung. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь, 1935. Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1939, стр. 119—126.

⁶ Проф. Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I, стр. 68.

Нельзя не упомянуть в связи с этим и о любопытных замечаниях проф. Грозного, который в одной из своих новейших обобщающих работ уделяет видное внимание керамике Анау и считает, что родиной шумеров был Туркестан¹. Многое в этих построениях остается дискуссионным, требующим пересмотра и углубленных, дополнительных исследований, в которых наши советские ученые, вооруженные марксистско-ленинским методом и учитывая яфетидологические штудии акад. Марра, могут и должны сказать свое веское слово. При разборе запутанной анауской темы надо учесть также данные, обнаруженные недавними раскопками известного шведского археолога Т. Арне, о которых он докладывал на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде. Раскопки тепе близ Астрадабада обнаружили высокоразвитую культуру, датируемую 3000 лет до н. э. Найденная расписная керамика, известная из ряда других местностей в Иране, Месопотамии, М. Азии, имеет ряд аналогий с керамикой на Крите и в Греции, что позволяет заключить о существовании взаимоотношений между этой культурой и культурой минойской².

Не только сами холмы Анау, но и обнаруженные на территории Туркмении аналогичные курганы (особенно Ак-Тепе и Намазга-Тепе³) требуют тщательного и детального обследования. Совершенно необходимо в ближайшее время опубликовать имеющиеся материалы раскопок; памятники Ак-Тепе, представляющие значительный интерес, до сих пор не описаны и не изданы. Проблема Анау остается одной из первоочередных задач изучения древнейшей истории Туркмении⁴.

Большая работа, проводимая за последние годы хорезмскими экспедициями, частично затронувшими и ТССР, дала возможность пустить в научный оборот свежий, чрезвычайно ценный материал, во многом совершенно заново осветивший до сих пор темные страницы культуры Хорезма с древнейших времен до эпохи хорезмшахов. Не в пример прочим исследовательским изысканиям, материалы хорезмских экспедиций, образцово поставленных, незамедлительно обследовались, и результаты их опубликовывались в виде обстоятельных отчетов начальника экспедиции проф. С. П. Толстова⁵ С. А. Ершова⁶, А. И. Тереножкина⁷.

III. Гораздо хуже обстоит дело с интереснейшим периодом истории Туркмении — эпохой Парфянского царства. Культура Парфии за последнее время привлекает исключительное внимание ученого мира Европы и Америки. Любопытнейшие археологические открытия (Дура-Европос и др.), пересмотр и классификация имеющегося материала — все это стоит сейчас в порядке дня мировой науки. И здесь особый, совершенно исклю-

¹ Проф. Б. Грозный, Доисторические судьбы передней Азии, ВДИ, 1940, № 3—4, особенно стр. 32 и 43—44.

² Т. Арне, Шведская археологическая экспедиция в Иран. 1932—1933. III. Межд. конгресс по иран. искусству и археологии. Доклады, стр. 42. Т. J. Arne, The Swedish Archaeological Expedition to Iran 1932—1933; «Acta Archaeologica», VI, K., 1935; Т. J. Arne, La steppe turcomane et ses antiquités, «Geografiska Annaler», 1935.

³ Д. Букинич, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе, «Туркменоведение», 1929, № 5; он же, Neues über Anau, ESA, I, 1930. Ср. он же, История первобытного орошаемого земледелия, «Хлопковое дело», Ашх., 1924.

⁴ Попытку дать обобщающую работу по Анау Е. Кобранова, Историко-культурное значение Анау, 1927, нельзя признать удовлетворительной.

⁵ Проф. С. П. Толстов, Древнехорезмские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3; он же, Хорезмская экспедиция 1939 г., КСИИМК, VI, 1940; он же, Древности Восточного Хорезма (Основные итоги Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.), ВДИ, 1941, № 1; он же, The Early Culture of Khwarizm, «Antiquity» т. XX, 1946, June и др. статьи.

⁶ С. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1.

⁷ А. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме, СА, VI, 1940.

чительный интерес представляют замечательные археологические открытия в Туркмении, на месте древней парфянской столицы Несе. Акад. В. В. Бартольд гервым указал, что столица парфян Неса (или как они писали «Ниса») находится близ Ашхабада, у аула Багир¹. Произведенные в так называемой Старой Несе и Новой Несе раскопки дали блестящие и весьма показательные результаты. Археологическое обследование начато было в 1930 г.; наиболее эффективными были раскопки 1934 и 1935 гг. Раскопки городища в Старой Несе обнаружили остатки комплекса дворца-мавзолея-храма. Нижнее здание было определено руководителем раскопок как «наус» — родовая усыпальница Аршакидов. В развалинах, наряду с многочисленными образцами терракотовой орнаментики и фресковой росписи, были найдены фрагменты парфянских статуй царей из раскрашенной необожженной глины, сохранившиеся части головы одной из них сближаются с монетными портретами Аршакидов. Дворец состоял из двух парадных зал и жилой части, делящейся на мужскую и женскую половины, храм имеет вид массивной прямоугольной башни, окруженной пристройками по низу. Любопытны терракотовые облицовочные плиты с различными сюжетами — плита с изображением львиной головы, плита с изображением так называемой «пальцы Геракла», зубчатый акротерий со стрелой внутри и др. Значительный интерес представляют также находки в городище Новая Неса. В развалинах здания (на глубине 3 м) обнаружены перламутровые бляхи с изображением кентавра, фрагменты костяных пластин со сценой типа ахеменидских барельефов, стеатитовая ваза с верхом, трактованным в виде крепостных стен, и т. д. Возможно, что в Новой Несе открыто место македонской Александрии.

Мы привели почти целиком наиболее подробное из существующих описаний археологических раскопок в Несе, занимающее всего-навсего одну страницу². Никаких других, более детальных и основательных, отчетов о произведенных раскопочных работах до сих пор не имеется. В сущности, все упоминания о замечательных открытиях в Несе базируются на этих более чем скупо представленных отчетных данных. На III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии А. Марущенко делал подробное сообщение о Несе, но не только доклад в целом, но даже и краткое резюме почему-то не нашло себе места в прекрасном издании Трудов Конгресса³.

Некоторые, точно так же краткие, дополнительные данные о памятниках Несе, мы находим в статье М. Дьяконова и А. Стрелкова «Выставка иранского искусства» (журн. «Искусство», 1936, № 1). Здесь рассматриваются некоторые наиболее примечательные памятники, обнаруженные при раскопках как в Старой, так и в Новой Несе. Остатки архитектурного комплекса в Старой Несе говорят о смешении иранских и эллинистических форм при господстве последних. Из найденных предметов одни звучат совершенно по-гречески (например, волюты ионической колонны и аканф), другие, наоборот, продолжают старые древневосточные традиции. Характерны, например, прорезные уступчатые плиты, напоминающие по форме вавилоно-ассирийские зубцы. Недавно в Персеполе американской археологической экспедицией была откопана лестница, украшенная в верхней части подобными зубцами.

В статье названных авторов правильно отмечается: «Представители парфянской династии Аршакидов, именовавшие себя филэллинами, насаждали в стране эллинистические формы искусства; однако эти последние, попав на местную иранскую почву, претерпевали значительные изменения». Памятники Старой Несе в этой статье датируются не позже I в. до н. э.

¹ В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, 1932, т. II, стр. 374. См. упоминание «о Нисае—Парфанизе с гробницами парфянских царей» у Исидора Харохского, Парфянские стоянки 8—19 («Древние авторы о Средней Азии», под ред. Л. Баженсва, т. 1940, стр. 132).

² А. Марущенко, Археологические открытия последних лет в Туркменистане, «Известия Туркменского госуд. научно-исследовательского института», 1935, № 1, стр. 40.

³ Весьма немного говорится о докладе Марущенко в заметке о конгрессе по иранскому искусству и археологии, помещенной в СА, II, 1937, стр. 209—210.

При рассмотрении предметов, найденных в Новой Несе, особенно подчеркивается близость некоторых из них к искусству Ахеменидов. Так, например, особо отмечается фрагмент небольшой костяной статуэтки, где трактовка волос на голове напоминает ахеменидскую. Примечательна часть пластинок из слоновой кости с изображением кочевников в башлыках, какие мы знаем по рельефам Персеполя. Подводя итоги разбору демонстрированных на выставке памятников из Несе, авторы приходят к следующим далеко идущим выводам. «Работы в Несе подтверждают и ранее напрашивавшееся утверждение, что культура эллинистической Парфии имела огромное значение для распространения в Азии греко-римских форм. Можно с уверенностью утверждать, что именно Парфия была основной распространительницей того эллинистического искусства, которому впоследствии было суждено долгое, многовековое существование в Центральной Азии»¹.

Мы уже говорили, что вопросы истории Парфии, парфянской культуры и искусства вызывают в настоящее время особый интерес в мировой науке. Проф. Ростовцев напечатал в «Классической серии» Иэльского университета капитальную работу о парфянском искусстве², собрав огромный иллюстративный материал. В этом исследовании широкого охвата, с выводами не всегда бесспорными, упоминается и о раскопках в Несе, с указанием, что соответствующей публикации о них еще нет.

Еще раз можно сказать, что вопросы истории Туркмении в парфянский период совсем почти не разработаны. Обычно ограничиваются общими фразами о большой роли Туркмении в эту эпоху, о торговых путях, соединявших Восток и Запад, о борьбе парфянских царей с Селевкидами, греко-бактрийским царством и Римом. Неукоснительно отмечается, что Аршак II (Тиридат), согласно свидетельству Помпея Трога, построил ряд крепостей в важнейших стратегических частях страны; в частности была отстроена и укреплена новая столица Парфии Дарра, находившаяся где-то в районе современного Каахна³. Но каких-либо изысканий, хотя бы и в виде предварительных разведок, предпринято не было.

В этом отношении значительно более повезло замечательным памятникам соседа и зачастую соперника Парфии — греко-бактрийского царства. Недавно в прекрасно оформленном издании Академии Наук СССР вышла основательная работа проф. К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского царства», 1940, представляющая тщательное и детальное описание памятников в историческом аспекте. Нельзя, однако, не отметить, что К. В. Тревер решительно уклонилась от каких бы то ни было попыток охарактеризовать взаимоотношения одновременно существовавших искусства греко-бактрийского и искусства парфянского⁴.

Автор проявляет большую осторожность, но, быть может, и излишний скептицизм в вопросе о разработке истории парфянского искусства. Уже упомянутая мной работа проф. М. И. Ростовцева, являющаяся сводкой имеющегося по искусству Парфии материала, дает определенную историческую перспективу. Надо надеяться, что в последующих исследованиях вопрос о культурных взаимоотношениях греко-бактрийского и парфянского царств будет надлежащим образом освещен.

Пока же приходится констатировать, что дело с изучением «парфянского наслед-

¹ Op. cit., стр. 27.

² M. Rostovtzeff, *Dura and the Problem of Parthian Art*, «Yale Classical Studies», 1935.

³ Л. Ба ж е н о в, *Средняя Азия в древний период (между шестым и вторым веками до нашей эры)*, 1937. См. рецензию на эту книгу проф. С. П. Толстова, ВДИ, 1938, № 2—3. Основных античных источников по парфянскому периоду касается и работа С. А. В я з и н и н а, *Страбон и Плиний, как источники об истории Туркмении (диссертация на степень кандид. ист. наук, рукопись)* 1945.

⁴ См. также доклад К. В. Т р е в е р, *Проблема греко-бактрийского искусства*, III Межд. конгресс по Иранскому искусству и археологии. Доклады, 1939, стр. 262, 270.

ства» на территории Туркменистана обстоит плохо. Исследовательские работы не развернуты. Мало того, уже извлеченный ценнейший и богатейший археологический материал лежит втуне и не вошел в научный обиход. Первоочередной задачей ученых Туркменистана, одной из главных и ближайших задач Турк. филиала Академии Наук СССР должна быть публикация результатов археологических раскопок в Старой и Новой Несе¹. Это вопиющий долг, который требует незамедлительного расчета. Осенью 1946 г. предположено развернуть археологические работы в южной Туркмении, включая Несу. Но, наряду с новыми исследованиями, надо срочно ликвидировать и старую задолженность.

Проф. И. Н. Бороздин

Золотая монета Синдики

В 1943 году Гос. ист. музей купил у гр. Пшеничной коллекцию монет (инв. № 81166). Монеты античные, византийские, зап.-европейские средневековые и русские, всего 1120 шт.: из них 432 серебряных, 667 бронзовых, 13 золотых. Собрание принадлежало А. Ф. Ильину (Симферополь). Среди них оказалась золотая синдская монета. До сих пор все синдские монеты известны были только в серебре. Прежде всего, конечно, встает вопрос о подлинности монеты. Монета не вызывает сомнений. Она не литая, не проработана резцом, сохранность ее хорошая. Все нумизматы Москвы признали ее подлинной.

Вес монеты 4,08 г. Чтобы определить этот номинал, обратимся к некоторым данным по монетным системам Сев. Причерноморья.

Самая ранняя греческая весовая система—эгинская—была распространена и в северном Причерноморье: в Тире, Ольвии, Феодосии, Пантикапее, Нимфее и Фанагории.

Все серебряные монеты Синдики чеканены по эгинской системе. Средний вес эгинского статера в северном Причерноморье был равен 12,23 г.² Статер в самой Эгине в среднем весил 12,571 г по Head³.

Эгинская система была основана на 60-ричном вавилонском счете, и потому подразделения этой системы могли быть согласными с шестидесятиричным счетом. Бертье-Делагард дает деления статера: $1/3$, $1/4$, $1/6$, $1/12$, $1/24$, $1/48$ ⁴.

Обратимся теперь к весу нашей монеты. Золото эгинской системы было только в северном Причерноморье и известно в Пантикапее. Номинал Пантикапейского золотого был в $1\frac{1}{2}$ драхмы. Если эгинский статер равнялся в северном Причерноморье 12,23 г., а наша монета весит 4,08 г, то с относительно большой точностью получается, что наша монета—это $\frac{1}{3}$ часть золотого эгинского статера. В самом деле $12,23:3=4,08$ с приближением на одну сотую грамма. Причем я беру вес эгинского статера северного Причерноморья, так как он ближе всего к Синдике территориально. Таким образом, наша золотая монета Синдики—это $\frac{1}{3}$ статера эгинского стандарта, т. е. как раз той системы, в которой чеканены и все серебряные монеты Синдики.

¹ До сих пор не опубликована работа С. А. Ершова, Очерк древней истории Туркмении, где раскопкам в Несе отведено видное место.

² А. А. Бертье Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Бориофене, Нум. сборн., т I, М., 1911, стр. 36.

³ Head, *Historia numorum*, Oxford, 1887, стр. XXXIX.

⁴ А. А. Бертье Делагард, ук. соч, стр. 42.